

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С.А. РОМАНЕНКО

Распад многонациональных государств Центральной Европы в XX веке: Австро-Венгерская империя

В статье на примере многонациональной Австро-Венгрии анализируется имперская система государственности с точки зрения ее устойчивости к кризисным ситуациям. Основной вывод: критический недостаток данной формы организации политического пространства – невозможность совмещать решение проблем социально-политической модернизации и этнокультурного прогресса живущих в ней народов.

Ключевые слова: империя, Австро-Венгрия, этническая гетерогенность, модернизация, реформы, кризис, распад государства.

The article on the example of the multinational Austria-Hungary analyzes the imperial state system with regard to its resilience to crisis challenges. The main conclusion: critical shortage of this political space organization form is its impossibility to combine the solution to the problems of sociopolitical modernization and ethno-cultural progress of the peoples living the state.

Keywords: Empire, Austria-Hungary, ethnic heterogeneity, modernization, reform, crisis, dissolution of state.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий в российском дискурсе стали модными дискуссии об империи как форме организации политического пространства государств с полиэтническим и/или поликонфессиональным населением. Это можно было бы приветствовать, если бы не два обстоятельства. Первое: неопределенность самого понятия “империя”, которое с легкостью применяется, скажем, и к державе Карла Великого, и к США. Второе: вопиющий антиисторизм полемики – отдельные факты, выдернутые из жизни разделенных в пространстве и времени государств безосновательно проецируются на современную российскую действительность. В этой связи главная задача статьи – на примере империи недавнего прошлого (Австро-Венгрии) рассмотреть вопрос об устойчивости такого рода государственного устройства к неизбежным для любой страны кризисным вызовам.

Выбор Габсбургской империи в качестве объекта исследования неслучаен: ее исторический опыт во многом и релевантен с российским, и связан, если не сказать – переплетен. Российская империя как член Антанты (до октября 1917 г.) была внешним фактором, решавшим судьбу Австро-Венгрии. Взаимоотношения обеих держав в последней трети XIX–начале XX в. развивались от краха “Союза трех императоров”, минуя попытку “австро-русской Антанты”, к открытому конфликту и военному проти-

востоянию. Окончательно характер отношений Санкт-Петербурга и Вены определили аннексия Боснии и Герцеговины и кризис 1908–1909 гг. Обе империи бесповоротно превратились в соперниц, используя в борьбе как независимые Балканские государства, так и разделенные их границами славянские народы. Самостоятельное значение, хотя и вплетенное в общий контекст внутриевропейских противоречий, имели межгосударственные австро-сербские отношения (см. [Судьба... 2006]).

Славяне Центральной Европы и Балкан на рубеже XIX–XX вв. были объектом соперничества России и Австро-Венгрии и как европейских империй, и как соседних государств. Для империи Габсбургов славянский вопрос (как внутривосточная проблема отношения их национальных движений с династией и монархией с двумя центрами власти – Венной и Будапештом, а также между собой, так и как проблема стратегических меньшинств) постепенно становился одним из судьбоносных. По мере обострения отношений между двумя соседними империями Россия превращалась в идеологический и геополитический фактор самого существования Дунайской монархии, ибо значительную часть населения последней составляли славяне. Интересы и цели различных политико-идеологических течений национальных движений славян Австро-Венгрии в целом и южных в частности далеко не всегда и не во всем совпадали, а часто и прямо противоречили политике Российской империи и ее наследников – Временного правительства и большевистского режима (см. [Романенко, 2001; 2012]).

Политические классы, общественное мнение, научные и экспертно-аналитические сообщества обоих государств пристально следили за происходящим у соседа, учитывая как позитивный, так и негативный опыт друг друга. Россия, будучи “славянской империей” не только по составу населения, но и идеологически, объективно играла роль идеологического и геополитического фактора существования или распада дуалистической монархии, поскольку значительную часть ее населения составляли славяне, в том числе и южные. Однако настроения, интересы и цели национальных движений “австрийских славян” далеко не всегда совпадали с интересами России и целями ее внешней политики. Официальная Австро-Венгрия также в конце XIX–начале XX в. воспринималась соседями как “славянская империя” из-за этнодемографической структуры населения. Однако в отличие от России она не только не признавала этого, но и осуществляла политику, часто противоречившую настроениям, целям и интересам славянской части населения. Все же в разных ситуациях многие южнославянские политики поддерживали монархию против России (например, австро-венгерская аннексия Боснии и Герцеговины и кризис 1908–1909 гг.).

“Русский фактор” и “славянское сознание” были неотъемлемыми элементами идеологии, стратегии и тактики национальных движений Австро-Венгрии. Поэтому после начала Первой мировой войны без участия России решить судьбу – ни этнополитический “славянский” и “югославянский”, ни геополитические – “адриатический” и “балканский” вопросы – было невозможно. Со своей стороны, Австро-Венгрия до Октября 1917 г. стремилась повлиять если не на целостность, то на границы России, а после Октября – и на ее судьбу как государства.

Важно подчеркнуть, что политике России императорской, постимперской и большевистской по разным причинам была присуща двойственность по отношению к крупному многонациональному государству в центре Европы. Будучи противником, а потом и врагом Австро-Венгрии, Россия, тем не менее, не всегда стремилась к ее распаду. Даже провозглашая лозунг освобождения “славянских братьев” или “пролетариев всех стран”, Санкт-Петербург (Петроград), а затем Москва вовсе не были сторонниками неуклонного создания южнославянского государства (союза государств), ибо в любом случае оно (они) становилось независимым политическим актором. Об этом свидетельствуют концепции большевистских, меньшевистских и эсеровских публицистов и аналитиков периода Балканских войн и Первой мировой войны, а также политика большевиков по отношению к Австро-Венгрии и ее национальным движениям в период с октября 1917 г. до распада империи Габсбургов в октябре–ноябре 1918 г. [Романенко, 2014, с. 65].

Политика России по отношению к Австро-Венгрии после февраля 1917 г. определялась ожесточенной внутривластной борьбой: между Временным правительством и большевиками до Октябрьского переворота, потом между большевиками и левыми эсерами; затем конфликтами внутри большевистской верхушки по вопросам войны и мира, мировой революции и революционной войны. Взгляд российских социал-демократов и коммунистов на Австро-Венгрию и национальные движения южных славян был ограничен наследием отечественной имперскости, и классово-социальными схемами и стереотипами. Вследствие этого они в значительной мере не видели и не понимали различий в соотношении социального и национального между Россией и Австро-Венгрией, особенностей правовых и политических традиций и культур двух государств, истории межнациональных отношений.

После захвата власти в России в октябре 1917 г. большевики, воюя с Австро-Венгрией, а затем подписав с ней (как и с Германией, Турцией и Болгарией) 3 марта 1918 г. мирный договор в Брест-Литовске, мечтали об “освобождении” ее народов, то есть ее разрушении, и пытались наладить возможно более дружественные отношения с королевским правительством Сербии. Однако после фактически произошедшего на тот момент распада Австро-Венгрии Советская власть 3 ноября 1918 г. выдвинула лозунг фактического сохранения ее единого многонационального пространства, но не имперско-монархического, а советского, федеративного. Этот лозунг, противоречивший настроениям большинства народов к тому моменту уже бывшей Дунайской монархии, был столь же политически неудачен, как согласие России в недавнем прошлом на аннексию Боснии и Герцеговины (1908 г.), на притязания Италии на побережье Адриатики (1915 г.) [Романенко, 2014, с. 65].

У двух соседних многонациональных империй – Австро-Венгерской и Российской – оказалась одинаковая судьба. Австро-Венгрия и Россия были не изолированными, а теснейшим образом связанными друг с другом мирами. Подавившись в августе 1914 г. “сербской косточкой”, обе империи потерпели поражение в Мировой войне и прекратили свое существование. Но тут важно увидеть и различие. Во-первых, для Австро-Венгрии ее судьба была изначально связана с исходом войны. Для России поражение в ней *a priori* не могло привести к ее исчезновению с географической и политической карты. Во-вторых, в России после победы революции территориальная целостность бывшего государства через несколько лет была восстановлена почти в полной мере, а национальные движения потерпели поражение. Тут важнейшую роль сыграл субъективный фактор: наличие нелегальной революционной организации – партии большевиков во главе с В. Лениным, которая с помощью социальной демагогии сумела не только захватить власть, но и обещать народам России “решение национального вопроса”. Сначала – на основах национального самоопределения вплоть до отделения, затем – в рамках восстановленного на основах “пролетарского интернационализма” многонационального государства.

Победа Антанты не могла в перспективе обеспечить сохранность многонациональной Дунайской империи. Впрочем, и победа в войне Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) не обеспечивала ее сохранность, хотя только она могла дать империи Габсбургов шанс на выживание. О возможности сохранения целостности Австро-Венгрии как многонационального монархического государства можно абстрактно говорить только до начала войны в 1914 г., а конкретно-политически – до начала 1917 г. С того момента даже военная победа Четверного союза уже не решала проблем внутренних межнациональных противоречий, не гарантировала сама по себе дальнейшее долговременное существование многонационального государства.

Одним из важнейших факторов, воздействовавших на возможность сохранения целостности Австро-Венгрии или ее распада, была и внешняя политика ее союзника – Германии, которая активно влияла на баланс центробежных и центростремительных тенденций в державе Габсбургов, невольно становясь для последней центробежным началом. Это воздействие выражалось в попытках реализовать под главенством Герма-

нии план “Срединной Европы”¹. То есть реализация этого плана в случае победы Четверного союза привела бы, как минимум, к резкому ограничению самостоятельности империи Габсбургов относительно империи Гогенцоллернов со всеми вытекающими из этого дезинтегрирующими последствиями.

Но и в случае осуществления чисто консервативного проекта экстенсивного развития Австро-Венгерской империи – победы в войне и изменения территориальной, этнодемографической и административной системы – неизбежными становились реформы внутреннего устройства. Задачу модернизации отменить было невозможно, но сохранявшаяся в таком случае власть Габсбургов не была способна решить этот вопрос. Более того, Австро-Венгрия не смогла бы победить центробежные тенденции, поскольку территориальные приращения означали увеличение поля межэтнической конфликтности и усиление их интенсивности. Тем самым парадоксальным образом и победа, если не в кратко-, то в среднесрочной перспективе, вела не к усилению и укреплению, а к ослаблению империи. Начав войну с Сербией, из которой после ее неизбежного превращения в мировую, Австро-Венгрия имела мало шансов выйти победительницей, империя и династия подписали собственный приговор. Иначе говоря, все вроде бы благоприятные варианты вызвали бы в перспективе обострение этнополитических противоречий в имперских землях. А традиционные формы организации политического пространства – централизм и дуализм исчерпали себя. Триализм же и, тем более, федерализм, были невозможны, в том числе и из-за позиции Германии. Власть и общество даже в случае победы оставались фрагментированными в национальном и территориальном отношении (см. [Яси, 2011]).

Пангерманская “Срединная Европа” стала для Австро-Венгрии внешним дезинтегрирующим фактором еще и потому, что для ее славянских подданных монархия Габсбургов из защиты от “германской угрозы” превратилась в ее орудие. Незавершенность модернизации также давала бы себя знать. Новая социальная реальность пробивала дорогу путем национальных революций и не могла удовлетвориться экстенсивным развитием путем военного захвата новых территорий. Связанное с этим осуществление германских геополитических проектов в случае успеха Четверного союза неизбежно поставило бы вопрос о реструктурировании всего центрально-европейского этнополитического пространства. Эти планы, по своей сути, абстрактно-теоретически не обязательно противоречили планам триализма или федерализации Австро-Венгрии. Однако в конкретных исторических условиях “Срединная Европа” в великогерманском монархическом варианте делала невозможной реформу Австро-Венгрии в либеральном и демократическом духе, противостояла как модернизации, так и национальному самоопределению. Идея и практика союза с Германией – стремление укрепить государство и консолидировать австро-немецкую этнонациональную общность – стала сильным стимулом центробежных тенденций у немецких народов.

Целостность Австро-Венгрии в 1917–1918 гг. могла бы в теории сохранить сепаратный мир. Однако и на этом направлении император и король Карл I (1916–1918), не обладавший авторитетом, харизмой и прижизненным мифом своего двоюродного деда Франца Иосифа I (1848–1916), не преуспел. Поэтому Брест-Литовский мирный договор с Советской Россией, означавший юридическое и политическое признание большевиками не только целостности Австро-Венгрии, но и оккупация ею завоеванных территорий, в том числе Сербии и Черногории, помочь ей не мог [Документы... 1957, с. 119, 124].

Этнонациональные (хорватский, сербский, словенский, боснийско-мусульманский) вопросы, равно как и вопросы геополитические, содержавшие в себе этнополитические, экономические и религиозные элементы – боснийский (административно-

¹ “Срединная Европа” (Mitteleuropa) – геополитическая концепция Ф. Наумана [Науман, 1918], отражавшая стремление Германии к расширению жизненного пространства за счет соседних стран и созданию выхода к Средиземному морю и на Ближний Восток. В практическом плане идея предусматривала создание конфедерации с “германским ядром”, к которому должны присоединиться малые страны, не способные выжить без союза с великими державами (см. [Баранов, 2009]).

политическая принадлежность Боснии и Герцеговины), адриатический (отношения с Италией), балканский (отношения с Сербией, Румынией, Болгарией и Грецией), по отдельности не имели решающей роли в распаде многонациональной Габсбургской империи. Однако наряду с военным поражением роковую роль в ее судьбе сыграла вся сумма межнациональных и социальных конфликтов, из которых государство не могло найти выхода, поскольку отсутствовала его многонациональная социальная основа и не была в должной мере осуществлена модернизация.

После успешной на первом этапе военной, политической и психологической мобилизации на основе династического патриотизма война вскоре обострила межнациональные противоречия в Австро-Венгрии [Исламов, 1995]. К ним добавились незавершенная модернизация, социальная катастрофа, разложение неэффективного государственного аппарата и армии. Война, направленная на подавление процессов национального самоопределения, ликвидацию проблемы стратегических меньшинств и отказ от социально-политической модернизации привели к тому, что оба эти процесса, способные сыграть интегрирующую роль, но которые власть рассматривала как изначально враждебные ей, действительно, превратились в центробежные факторы. Одновременно, несмотря на наличие некоторых объективных групповых интересов, единая полиэтничная социальная общность у южных славян Австро-Венгрии также не сложилась. Их совместное выступление против Австро-Венгрии и монархии было обусловлено временным и частичным совпадением целей. Окончательный перелом в соотношении центростремительной и центробежной тенденций и в направленности национальных движений относительно форм, темпов и методов национального самоопределения наступил в 1917 г.

Хотя оба монарха (Франц Иосиф I и Карл I), их окружение и политические классы Австрии и Венгрии как носители идеи государственности подчеркивали приверженность сохранению целостности своей страны, объективно их неготовность пойти навстречу этнонациональным движениям не только не укрепляли государство, но и разрушали его. В этом состоит еще один парадокс политического класса монархии Габсбургов и двух господствовавших в ней наций. Растущее сопротивление национальных движений народов с промежуточным статусом (чехи и хорваты) и “остальных неполноправных народов” (в том числе сербов, словенцев и отчасти боснийских мусульман) сопровождалось неспособностью власти решать экономические и социальные проблемы (прежде всего обеспечение продовольствием). Попытки же “навести порядок” посредством усиления давления на групп населения по национальному признаку не скрепляли, а ослабляли государство, провоцируя центробежные устремления.

Первоначальное усиление авторитарных и централистских тенденций с последующим их ослаблением, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики привели к потере и без того слишком фрагментарной, полиэтничной социальной базы империи. Первоначальные надежды на изменение своей судьбы бедняков, бюргеров и интеллектуалов разных национальностей накануне войны и в ее первый период не оправдались.

Позитивное решение вопроса о сохранении целостности империи и династии Габсбургов (предпосылки для которого до войны объективно существовали) оказалось в реальности невозможным из-за отсутствия социальной основы. Распад Австро-Венгрии не был исторической случайностью. Он был следствием сущностного видоизменения национализма (от освобождения и равноправия всех народов к господству “своего” народа над другими) и деформации и изменения вектора развития практически всех социальных и этнических процессов, произошедших в годы Первой мировой войны, парадоксальным образом развязанной для того, чтобы этого не допустить. Трансформации национальных движений южных славян были следствием как внутреннего развития каждой этносоциальной общности, так и развития империи и ее политики. Однако, имея свои исторические причины, распад Австро-Венгрии не

был фатально предопределен именно на данном этапе ее развития. Он стал следствием кризиса социальной структуры и государственного аппарата, невозможности нарушить созданный в 1867–1868 гг. хрупкий баланс, основанный на австро-венгерском дуализме и автономии Хорватии. Общее явление национальной политической консолидации и мобилизации на этнической, а не на гражданской основе, было обусловлено предыдущим развитием империи и стало одним из главных факторов распада монархии. Произошли национальные революции, означавшие обретение национального самоопределения в полном объеме и создание нескольких суверенных независимых национальных государств.

Процессы национального самоопределения у этнически близких народов, проживающих в одном государстве, обладают особой сложностью, так как совмещают самоидентификацию и территориальное разграничение. Борьба этих двух тенденций обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории – в иной форме. У южных славян Австро-Венгрии сформировались отдельные нации, каждой из которых был свойствен собственный этнонационализм. А югославизм и как идея, и как движение с последующим созданием общего государства был результатом временного совпадения ряда элементов национального сознания, интересов и направленности развития наций, к которым в качестве дополнительного фактора прибавилась конкретная этнополитическая и военно-политическая ситуации, сложившиеся на исходе Мировой войны.

В подобном контексте вопрос об изначальной неизбежности распада многонациональной империи в центре Европы приобретает несколько иной аспект. Возможно ли было сохранить ее, и если да, то каким путем: унитаризацией, централизацией, мобилизацией и насилием, победоносной войной или же демократизацией, либерализацией, признанием полиэтничности, прав этнических коллективов наряду с общегражданскими правами? На поставленный вопрос не может быть краткого однозначного ответа. Безусловно, не только централизм, но и дуализм изжили себя, и в довоенном виде империя сохраниться не могла: традиционные формы организации государственного пространства не способствовали ни снижению уровня межнациональных противоречий, ни модернизации. Однако факт исчерпанности дуалистической системы до определенного момента не был тождествен невозможности сохранения единого государства в иных формах – триалистической империи или федеративного государства. На каких принципах и какими темпами осуществились бы эти реформы, сколько бы просуществовало реформированное государство – иной вопрос.

Сами по себе ни триализм, ни федерализм без осуществления экономической и социально-политической модернизации не гарантировали ни укрепления государственности Австро-Венгрии, ни сохранения ее целостности. Они могли способствовать сохранению единства только в случае, если бы вели к смягчению нараставших межнациональных противоречий и расхождения интересов даже между этнически родственными народами, усилению интеграционных процессов, вектором которых было бы полиэтничное гражданское общество при избранной им форме самоопределения. Момент для реформ был упущен дважды – в 1914 г. и в 1917–1918 гг. Кризис системы дуализма превратился в кризис государства как такового, а его полиэтничность выступала в качестве “отягчающего” обстоятельства.

В результате “окно возможностей” сузилось до жестких альтернатив: реформы (модернизация) или империя, демократия (национальное самоопределение) или этнонационализм. Забегая вперед, отмечу, что в конечном счете выбор оказался таковым – **этнонационализм без демократии и модернизации**. Говорить о его случайности не представляется возможным. Модернизационный процесс и процесс самоопределения могли совпадать между собой по направленности или расходиться друг с другом; могли способствовать интеграционным тенденциям в государстве и, соответственно, его сохранению или наоборот – дезинтеграционным тенденциям и его распаду. Поиск новой социальной реальности вышел за рамки системы и границы многонациональной империи. В условиях войны и всеобщего обнищания о модернизационных реформах

не могло быть и речи. Единство подданных разрушилось, а осознанное гражданское полиэтничное единство не складывалось. Распадались по этническому признаку последние опоры режима – и без того малоэффективный госаппарат и терпевшая поражение армия. Решить или хотя бы смягчить проблемы модернизации и интенсивного развития путем экспансии и тем самым воспрепятствовать национальному самоопределению становилось невозможно.

Самоопределение и закрепление собственного политического суверенитета над “своими” этническими территориями стало приоритетным для каждого национального движения. Такой суверенитет воспринимался как первооснова и гарантия социальной модернизации, а та – как следствие самоопределения. Темп и уровень модернизации в ходе затяжной войны в общеимперском масштабе были недостаточны. Это в конце концов привело к тому, что модернизация и самоопределение приобрели центробежный и дезинтегрирующий вектор. Решение этих задач выдвинулось национальными элитами уже только вне империи и без монархии Габсбургов.

Естественно, на соотношение рассмотренных процессов оказала деструктивное влияние Первая мировая война. До начала военных действий именно сохранение империи рассматривалось как условие ее модернизации, а национальное самоопределение было возможным в существовавших на тот момент рамках и границах. Объявляя войну Сербии, Франц Иосиф I в манифесте от 29 июля 1914 г. убеждал подданных в том, что его цель – не только “сохранить честь моей монархии, для защиты ее престижа и державного положения”, но и “силой оружия создать те необходимые гарантии, которые должны обеспечить моим государствам внутреннее спокойствие и длительный мир” [Манифесты...]². Монархизм, лоялизм и легитимизм становились некими гарантиями процессов модернизации и самоопределения, которые должны были иметь центростремительный характер.

Но война постепенно изменила вектор их развития. Стало очевидным, что ни модернизации, ни национального самоопределения невозможно достичь, поскольку государство оказалось нерепартируемым и потерпело не только военное поражение, но и внутренний социально- и национально-политический крах. В 1914–1916 гг. возникла промежуточная ситуация – временная социальная мобилизация с опорой на внутриэтническую интеграцию. Однако к 1917 г. такой мобилизационный ресурс иссяк: победы одержать не удалось; межэтнические противоречия обострились; ощущалась угроза подчинения или поглощения Германией, экономические связи внутри империи ослабли вследствие разрушения нормальной экономики; усиливались трудности с обеспечением населения продуктами питания. Начался поиск новой социальной реальности через разделение имперского пространства. Шовинизм и великодержавие, использованные династией как средство мобилизации масс и подавления их национальных чувств, достигнув гипертрофированных размеров, начали приводить к результатам, противоположным тем, что ожидала власть. Будучи основой центростремительных тенденций на первом этапе войны, на ее завершающем этапе они объективно превратились в активных носителей центробежных начал. Этнонациональное сознание стало превалировать над осознанием общности, восходившей к подданству, верности династии и присяге. С 1917 г. “*viribus unitis*” (соединенные усилия) стали проявляться у национальных движений всех народов только в одном – в стремлении разрушить имперское государство.

Поэтому в сложившейся ситуации любой вариант, будь то консервативно-централизаторский или либерально-реформаторский, вел к распаду империи. В конкретных условиях осени 1918 г. – военного поражения, краха экономики и системы государственного управления – иной судьбы у многонациональной Габсбургской монархии уже не

² Весьма показательны, что, объявляя войну Германии 20 июля (2 августа) 1914 г., император Николай II руководствовался сходной логикой: “Следуя историческим своим заветам Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно... Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих держав” (“Русское слово”, 21 июля 1914 г.).

было. Модернизация же, игнорировавшая проблемы национального самоопределения, могла только обострить противоречия, а не укрепить единое пространство.

Отдельно стоит поговорить о роли этнической конфликтности в распаде Австро-Венгрии, которую принято связывать в первую очередь с национальными движениями славянских народов. Процесс их самоопределения не имел общих черт, обусловленных принадлежностью к суперэтнической славянской общности [Мыльников, 2000, с. 13]. Характерные для описываемого времени этнополитические процессы были свойственны всем народам Центральной и Восточной Европы, притом какого-то особого славянского пути национального возрождения и модернизации не существовало. Достаточно вспомнить, что на востоке Европы (Российская империя) победила социальная (или, как было принято писать, социалистическая) революция, на которую возлагались надежды на решение межнациональных противоречий, тогда как этнополитические проекты переустройства общества потерпели поражение. Прямо противоположным был результат Первой мировой войны в центре Европы, где победили национальные революции, которые считались предпосылками преобразования социальных отношений.

Более того, национальное самоопределение по-разному осуществлялось у восточных, западных и южных славян. В России ведущую роль сыграла самая крупная и мощная русская этнонациональная общность. У западных славян Австро-Венгрии два народа осуществили совместное этнополитическое самоопределение на основе представлений об этническом родстве (чехи и словаки), а третий народ – поляки сами добились политико-государственной самостоятельности. Наконец, южные славяне (хорваты, словенцы, боснийские мусульмане) пошли по пути совместного самоопределения по принципу этнического родства, объединившись в одно государство с ранее существовавшим королевством Сербии.

На территории Австро-Венгрии национальные революции были неизбежны: социальная революция не произошла, так как в большинстве ее земель не было для нее реальных предпосылок. Социал-демократы не хотели и не могли “поднимать трудящихся”, несмотря на значительное протестное – антивоенное и социальное – движение, за что, к слову, они подверглись критике со стороны своих российских однопартийцев (см., например, [Троцкий, 1926, с. 292]). Пролетарский интернационализм не стал идеологией и психологией народов Австро-Венгрии, в глазах которых важнейшим путем обретения справедливости, в том числе и социальной, было свое независимое государство. Более того, именно национальные революции и создание независимых национальных государств рассматривались как средство против распространения из России идеологии большевизма.

Поскольку окружающий мир воспринимался национальным сознанием каждого народа империи Габсбургов прежде всего в этнических категориях, этничность считалась первичной по отношению к социуму и, соответственно, национальное движение полностью доминировало в общественном пространстве: решение социальных проблем и противоречий виделось в форме изменения национально-государственного устройства, а национальная свобода воспринималась как необходимое предварительное условие для социального, экономического и культурного развития [Романенко, 1995, с. 89]. Национальное самоопределение начало отождествляться массовым политическим сознанием с отделением от империи, которое стало восприниматься и рассматриваться как единственное средство решения социальных проблем. Поэтому в Австро-Венгрии произошла только национальная революция (точнее, несколько национальных революций), а не социальная³.

Уже накануне подписания близ Падуи 3 ноября 1918 г. перемирия союзников с Австро-Венгрией началась суверенизация новых национальных государств. 28 октября была провозглашена независимость Чехословакии, 29 октября – Государство сербов, хорватов и словенцев. Затем 12 ноября настала очередь Австрии, а 16 ноября – Вен-

³ Исключение – попытка создания Венгерской советской республики в 1919 г.

грии. В международных отношениях в Европе завершилась эпоха существования и междоусобной борьбы монархических империй. Судьбы государств и народов решали уже не императоры со своими министрами и генералами. В 1918 г. обращениями обменивались уже совсем другие люди. В этой связи характерно хранящееся в Архиве Хорватской академии наук и искусств (Загреб) обращение Югославянского комитета, направленное в Брест-Литовск незадолго до подписания мирного договора. “Делегация Австро-Венгрии ... – говорится в документе, – не представляет угнетенных народов Австро-Венгрии, но лишь деспотические правительства Вены и Пешта... Мы хотим, наконец, освободиться от всех этих зверств и объединиться с нашими братьями в Сербии и Черногории на принципах свободы и равноправия. Не забывайте же об этом вы, те, кто еще вчера подвергался гнету царизма, когда ведете переговоры о демократическом мире не с делегациями свободных народов, а правительств, являющимися самыми законченными представителями автократии, тирании и милитаризма” [Mandić, 1956, s. 246]. Национальные революции в империи Габсбургов похоронили это многонациональное государство навсегда.

* * *

Распад Австро-Венгрии не был ни случайным, ни единичным изолированным явлением. Он стал частью общего процесса прекращения существования империй как формы этнополитической организации. В результате взрыва “порохового погреба Европы” прекратили свое существование три соперничавшие между собой многонациональные империи – Австро-Венгерская, Российская и Османская. Все они так и не завершили модернизацию и не предоставили своим народам новых легальных форм развития их этничности в существовавших границах. Однако ни распад Австро-Венгерской империи, ни социальная, ни национальная революции сами по себе не завершили процессов национального становления народов Центральной Европы, не разрешили проблем модернизации.

В этой связи репрезентативен пример первой, королевской, Югославии – одного из “осколков” Дунайской империи. Спустя несколько дней после обретения независимости 1 декабря 1918 г. в Белграде было провозглашено создание невиданной доселе единой монархии на основе этнического родства значительной части ее населения – государства южных славян – Королевства СХС (сербов, хорватов и словенцев). Унаследовав от Габсбургской империи этническую гетерогенность, новое государство и в организационном плане было создано по ее “лекалам” – монархическое (династия Карагеоргиевичей, государственный аппарат, идеология) и моноэтническое (родство славянских народов трактовалось новой властью как единство).

Однако полиэтничной – югославянской – этносоциальной общности не существовало, хотя некоторые проявления межэтнической интеграции в процессе противостояния государству Габсбургов, как уже говорилось, имели место. Общегославянское самосознание (в отличие от переменчивых настроений) не было широко распространено, а идеология югославизма как отрицания этнонациональных особенностей каждого народа вовсе не была господствующей. На этапе радикализации этнонационализма в начале XX в. произошло и его сущностное изменение – у каждого народа он становился все более автаркичным и антидемократическим. Во всех своих национальных разновидностях и стадияльных вариантах идея югославизма и временные настроения и эмоции не могли стать основой новой общности. У хорватов, словенцев, сербов, боснийских мусульман, равно как у черногорцев, македонцев и албанцев, процесс национального самоопределения продолжился и в новообразованном Королевстве СХС (с 1929 г. – королевство Югославия), пытавшемся соединить в себе “естественное право наций” с идеей верности новой династии, лоялизмом и легализмом.

Антигабсбургские традиции парадоксальным образом сохранились в идеологии и политике несербских народов Королевства СХС. Однако национальная революция в югославянских землях, объединившихся под скипетром монархии Карагеоргиевичей,

обрела консервативный и антимодернизационный характер. Процессам национального самоопределения южнославянских народов и модернизации их обществ и государств предстояло пройти в XX и начале XXI в. долгий и кровавый путь [Романенко, 2005, с. 285; Romanenko, 1999, S. 141].

Таким образом, анализ политических процессов Австро-Венгрии показывает: имперская организация этнически и конфессионально гетерогенного пространства в условиях компактности проживания различных народов и наличия у них исторической памяти, в том числе о собственной государственности, – система недостаточно эффективная. В ее рамках сложно совмещать решение проблем модернизации социально-политической и этнокультурной. В этом плане Первая мировая война всего лишь довела до логического завершения нараставшие в державе Габсбургов кризисные явления. У Австро-Венгрии не было будущего даже в случае победы Четверного союза. Что уж говорить о положении дел в условиях военного поражения. Фигурально выражаясь, флагманский дредноут стремительно пошел ко дну, а эскадра не только не пыталась его спасти, но каждый корабль счел для себя за лучшее отплыть как можно дальше от места крушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов Н.Н.* Срединная Европа Фридриха Наумана: становление концепции // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки: история. 2009. № 3 (65).
Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1.
Исламов Т.М. Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства. М., 1995.
Манифесты и воззвания // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 134. “Война”. Оп. 473. Д. 18. Л. 26–27.
Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. СПб., 2000.
Науман Ф. Срединная Европа. М., 1918.
Романенко С.А. Австро-Венгрия или Югославия? // Австро-Венгрия. Исторический опыт многонационального государства. М., 1995.
Романенко С.А. Лидеры российской социал-демократии об Австро-Венгрии в период Первой мировой войны // Труды Института Российской истории. Вып. 10. М., 2012.
Романенко С.А. Между “пролетарским интернационализмом” и “славянским братством”. Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011.
Романенко С.А. Национальные движения югославянских народов Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. № 3.
Романенко С.А. “Неистовая, ожесточенная война за существование”. Национальные движения народов Югославии 1941–1945 // Славянский альманах. 2004. М., 2005.
Романенко С.А. Советская Россия и Австро-Венгерская монархия от октября 1917 г. до Брест-Литовского мира // Новая и новейшая история. 2014. № 1.
Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006.
Троцкий Л. Сочинения. Т. VIII. М.–Л., 1926.
Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956.
Romanenko S. Die Nationale Selbstbestimmung und die “Slawen-Brüderschaf” // Osteuropa auf der Suche Nach Kontinuität / Zum russisch-serbischen Verhältnis gestern und heute / Der Rücnehr der Geschichte. Herausgegeben von Leonid Luks und Donald O’Sullivan. Köln–Weimar–Wien, 1999.